

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 214-225, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 316.48 (908)

“All for One, One for All”: “Mutual Cover-up” as a Phenomenon of Social Solidarity and Its Reanimation in 1918-1921 (through the Example of the Northern Governorates of European Russia)

Tatiana I. Troshina

Northern (Arctic) Federal University named after MV University (Arkhangelsk),
Russian Federation
Doctor of History, Professor
163060, Arkhangelsk, Voskresenchkaja Str., 112, fl. 17
E-mail: tatr-arh@mail.ru

Abstract

This article examines the phenomenon of “collective responsibility” as a way to preserve social solidarity under extreme conditions of conflict between government authorities and the local community. The author takes for exploration the territory of the European North of Russia, which, due to its special natural/climatic conditions, has had a number of distinctive features in forming and maintaining sociality.

Keywords: European North of Russia; social solidarity; collective (mutual) responsibility; conflict and compromise; self-preservation of a community under extreme circumstances; relations between the population and authorities.

...на наших глазах воскресло средневековье! Оно воскресло и в факте коллективной ответственности... Поистине, воскресли первобытные времена и нравы в XX столетии.

Питирим Сорокин [1]

Введение

Одним из ярких проявлений народной жизни в период реализации политики военного коммунизма стала реанимированная форма общественного самосохранения в виде коллективной ответственности или круговой поруки. В обстоятельствах распада «большой» социальности и одновременного ужесточения давления государственной власти на население у локальных обществ появилась возможность и потребность к самоизоляции, к возвращению забытых форм социальности. В северных губерниях этот процесс усугубился географической удаленностью, усугубленной бездорожьем, удаленностью значительной части населенных пунктов от административных центров, в которых сосредотачивались олицетворяющие государственную власть учреждения.

Материалы и методы

Данная сторона социальной жизни прямо не отражалась в источниках. Для рассмотрения проблемы был использован социально-культурный подход к изучению

исторического материала. Применялись разнообразные источники: опубликованные и неопубликованные отчеты чиновников, касающиеся описания форм самоуправления сельского населения; следственная документация, как дореволюционная, так и советского времени; наблюдения, отразившиеся в различных бытовых очерках, авторами которых были представители интеллигенции; информация, сохранившаяся в воспоминаниях современников, являвшихся носителями изучаемой культуры.

Методом извлечения информации из этих разнообразных источников явилась процедура «плотного описания», которое в контексте данного исследования понимается как максимально подробная («плотная») фиксация всей информации, содержащейся в источниках, с целью не столько восстановить событийную канву изучаемого времени, сколько получить материал для размышления и объяснения явлений социокультурной жизни. Этот метод позволяет извлечь из источников скрытую информацию, провести ее анализ, типизацию и интерпретацию и, тем самым, воссоздать социальную реальность изучаемой эпохи.

Обсуждение и результаты

Архаичной формой взаимной ответственности членов локального социума (всех за каждого и каждого за всех) была основой существования общины, сохранявшейся в видоизмененных формах на разных уровнях российского общества. Самосохранительные социальные практики допускали, наряду с взаимной общинной поддержкой, возможность пожертвовать в безвыходной ситуации одним ради спасения остальных. «Жертвой» мог стать как самый слабый член социума, так и лучший, олицетворяющий собой перед некой враждебной силой всю общину.

В огромной по территории и малонаселенной стране архаичный принцип «круговой поруки» был приспособлен государством для удобства управления локальными общинами, контролировать подчинение населения законам и не допускать обнищания налогоплательщиков. Это следует учитывать при изучении процесса стихийной реанимации устаревших форм социальности в условиях кризисной эпохи, так как в результате возник сложный симбиоз форм коллективного опыта и возникших под воздействием государственных институтов социокультурных напластований.

Феномен «круговой поруки» проявлялся в разнообразных формах, наибольший интерес из которых представляют три: это взаимная ответственность, на которой основывалась система местного самоуправления; способ привлечения (и принуждения) членов социума к коллективным и согласованным действиям; коллективная и демонстративная форма правового нигилизма или «взаимное укрывательство участников неблагоприятных дел» [2].

Этот феномен ярко проявился во время двух «пиков» русской революции – в 1905–1907 и в 1918–1921 гг. Первый из них пришелся на относительно стабильный период, и на основе «круговой поруки» в основном происходили демонстративные действия, направленные на принуждение государственной власти к «диалогу» на навязанные крестьянами или рабочими темы. В период реализации политики «военного коммунизма» этот способ поддержания солидарности был направлен не только против внешнего «врага» (государственной власти и других «чужих»), но и против внутреннего, разлагавшего общество изнутри.

Поддержание мира и спокойствия внутри общины происходило путем обсуждения вопросов и единогласного, пусть даже «со ссорами и драками» [3], принятия их на общем собрании. В условиях относительной стабильности судьбоносные вопросы возникали не часто, и интерес участвовать в сходах понижался. Во второй половине XIX в. замирает некогда бурная общественная жизнь городских сословий. В начале XX в. это фиксируется и в крестьянской среде. Понижался интерес к собраниям и в связи с усилением внутриобщинных радикальных элементов. Если община не обладала по какой-то причине внутренней солидарностью, – чаще всего это было связано с имущественной дифференциацией, либо с присутствием в его составе значительного количества индивидуализировавшихся членов, побывавших «на стороне», – на отхожих заработках, в армии, и т.п., – в нем появлялись «крикуны» и «горлопаны», которые нарушали привычное течение собрания. Это вынуждало оставшихся в меньшинстве прекращать борьбу и

соглашаться с обществом: «равнодушные порядочных людей к общественным делам ... объясняется нежеланием нажать себе врагов. Они считают, что при разделе податей, если писарь добропорядочный, крикуны ничего сделать не смогут, а если не добропорядочный, то ничего не поможет» [4]. Такое настроение «благопристойной» части общества свидетельствует об усилении доверия к закону. Действительно, в случае несогласия с принятым сходом решением, отдельные лица, несмотря на существующий обычай «не доводить до начальства и решить [внутриобщинные вопросы] полюбовно» [5], обращались в вышестоящие инстанции.

В революционную эпоху население властям не доверяло и даже стало их опасаться. В связи с этим вернулась традиция достижения консенсуса, чтобы каждый член общества мог быть уверенным в своей защите на основании «круговой поруки». Поскольку обсуждаемые вопросы были принципиальными, а внутриобщинная солидарность имела уже тенденцию к разрушению, особенно в связи с наполнением общин большим количеством маргинализированных лиц, стремление к достижению единого мнения сопровождалось бесконечными прениями, изматывавшими участников схода. Этим пользовались радикальные элементы: дождавшись, когда часть присутствующих, видя бессмысленность происходящего, покидала сход, они убеждали оставшуюся податливую массу принять предлагаемые решения. Так, в 1918 г. на волостном сходе «большевики [своим оппонентам] всячески мешали, перебивали их, не давали говорить, обзывали буржуями»; когда собрание стало расходиться, они «без прений, при беспорядочном голосовании выбрали в местный совет» своих представителей [6]. Принятые таким способом решения не признавались основным составом общины, но для властей имели легитимный характер.

Со своей стороны, и община, принимая заведомо противоправные решения, стремилась, чтобы они были не только коллективными, но и анонимными; то есть любыми способами (а, кроме убеждений и уговоров, применялись шантаж и запугивание) принуждала всех членов дать согласие и поставить свою подпись в протоколе. Такие решения принимались обязательно на общих сходах, чтобы впоследствии, например, если дело дойдет до судебного разбирательства, лишить общинников возможности «отговориться» незнанием и неучастием.

Давление государства на население в условиях реализации политики «военного коммунизма» подталкивало общества к максимальной сплоченности. Центральная власть давила на представителей местного самоуправления, стремясь придать нужным ей решениям легитимный характер. Это вынуждало местных «начальников» опираться только на коллективные решения. По словам продовольственного агента, в Архангельской губернии «волостные и сельские советы ...пугались и всячески открещивались [от проведения продразверсток], передавая раскладки их общим сходам, которые после шума и спора раскладывают разверстку по душам» [7], то есть без «классового подхода». В 1918 г. «в Церковнической и Тарасовской волостях ежедневно шли собрания», поскольку «председатели волисполкомов не решались удовлетворять требования [предоставить гужевой транспорт для армии] единолично и собирали общественные собрания» [8].

Стремясь уклониться от принятия продавливаемого решения, некоторые члены общества пытались под любым предлогом на сходы не ходить, надеясь тем самым иметь основание не выполнять принятые там постановления и не нести за них ответственности. Поэтому на такие сходы людей сгоняли насильно, для чего по дворам ходили толпой, что осложняло в случае разбирательства выявление зачинщиков. Власти, зная это неписаное правило, в «буйные» времена стремились ограничить количество собраний и, тем самым, не допустить принятия нежелательных решений. Чтобы не допустить массовых беспорядков, которые крестьяне не начинали, пока решение об этом не будет принято «всем миром», расставлялись кордоны на дорогах, ведущих в волостной центр. Такие меры не всегда достигали желаемых результатов. Например, в ноябре 1918 г. командир продотряда перекрыл дороги, но «на тайно созываемый сход стала стекаться взволнованная волость»; открывших огонь красноармейцев толпа смяла и растерзала [9]. В 1919 г. во время вывоза мощей местного святого из с. Бестужево Вологодской губернии расвирепевшая толпа обратила в бегство красноармейцев, пытавшихся преградить вход в колокольню для набата, которым созывались на помощь соседние селения [10].

В этих обстоятельствах власти пытались ограничить возможности для общих собраний. Так, в 1921 г. уездными исполкомами принимаются решения «прекратить частые, совсем не нужные общие собрания, ...которые часто превращаются в кулацкие» [11], а также ограничить круг вопросов, по которым разрешалось собирать сходы. Но крестьяне нашли выход и из этого положения: сход собирался под благовидным предлогом, а затем тема собрания менялась в сторону наиболее важных дел. Ответ за нарушение распоряжений должны были нести представители местного самоуправления. Чтобы их обезопасить, население выработало форму принуждения выборных лиц к официальному оформлению принятых на сходе противозаконных решений. Такой «сценарий» предполагал демонстративный отказ волостных или сельских «начальников» делать требуемое толпой, и последующее исполнение под ее принуждением. К подобным хитростям крестьяне прибегали нередко; это понимали и царские чиновники, но готовы были мириться с ними ради достижения «согласия» между властью и народом. Однако в советское время «власть» сама представляла собой выходцев из народа, поэтому могла отличить истинную лояльность от маскировки под нее. В результате, как ни стремились члены общины «прикрыть» своих лидеров, нередко предоставляя властям в качестве виновников другое лицо, следователям удавалось выявить «истинных зачинщиков». Так, во время Вельского восстания 1921 г. крестьяне насильно притащили к зданию волисполкома члена общины, к которому испытывали неприязнь, заставили его рвать документы, а во время следствия дружно указывали на него как главного зачинщика и провокатора. Однако на следователей это не повлияло и наказаны были другие лица, которых крестьяне, напротив, всячески защищали [12].

Представители местной власти и в спокойные, и в «смутные» времена находились под двойным давлением, нередко противоположной направленности: с одной стороны, должностное лицо должно было подчиняться государственным законам и проводить соответствующие решения на сходах; с другой – отвечать запросам своих избирателей. Поэтому на выборные должности, к тому же обычно неоплачиваемые и требующие много сил и времени, которые приходилось отнимать от своего хозяйства, шли крайне неохотно. В большинстве северных деревень было принято выполнять общественные обязанности по очереди. В советское время волостным работникам стала назначаться официальная зарплата. Это делалось с целью обеспечить относительную материальную независимость советских работников и не допустить в органы власти «классово чуждых».

Новая власть производила тщательный отбор в местные органы людей, которые готовы были выполнять распоряжения «сверху», даже в ущерб интересам местного сообщества. При таких обстоятельствах выборные лица уже не могли рассчитывать на коллективную поддержку населения. Следует также иметь в виду, что в 1920-е гг. советская работа на низовом уровне уже не была трамплином для социального перемещения, как в первые послереволюционные месяцы, чем снижалась ее ценность в глазах карьеристов, которые могли бы ради достижения определенной цели пойти против интересов своих обществ.

Как уже упоминалось, на уровне сельских и волостных сходов существовала своеобразная «диктатура крикунов». В революционную эпоху ситуация даже усугубилась. В 1918 г. крестьяне жаловались, что «выборы в волостные советы, как и прежде, проходят под давлением крикунов» [13]; «на собраниях “горлопаны” запарывают все решения» [14]. «Крикунами» и «горлопанами» в 1917 – начале 1918 гг. выступали солдаты-фронтовики, в большинстве вернувшиеся на родину в крайне возбужденном состоянии: на это повлияла и агитация радикальных партий; и испытываемое ими чувство вины за свое бесславное возвращение – без победы и трофеев. Многие испытывали психологический дискомфорт, поскольку на гребне революционных событий в армии пережили стремительный подъем своего статуса, а теперь им вновь пришлось вернуться домой и занять низкостатусную роль: сына, «молодого», неудачника. Немаловажное значение имело и то, что возвращение солдат пришлось на самое «безработное», осенне-весеннее время. Обычно в эти месяцы молодежь уходила на заработки, однако в условиях экономической стагнации их труд не был затребован. Фронтовики распыляли свою энергию на бесконечных собраниях, созываемых по требованию новой власти. Не успев сориентироваться в происходящем, сходы с легким сердцем назначали на новые должности и направляли на съезды активистов-фронтовиков.

После короткого периода, когда в местные органы власти избирали – по равнодушию населения или под давлением организованных групп фронтовиков – радикально настроенную молодежь, крестьяне постарались вернуться к прежней системе назначения авторитетных лиц. При выборах волостных советов «говорили, что надо выбирать мужиков хозяйственных. Бедняк – он двум телятам пошла не разольет, не только в комитете дела решать; там надо людей с пониманием» [15]. Камнем преткновения был вопрос о материальном вознаграждении для представителей самоуправления: «Когда зашел разговор о жаловании, было высказано предложение, «что комитет содержать трудно, надо членов отдать в солдаты, а выбрать старосту, как прежде, пусть управляет» [16]. Стали отмечать положительные черты прежней системы самоуправления – особенно когда новая (советская) власть стала не только «давать», но и «брать»: в июле 1918 г. «шла агитация, мол, ...сейчас у власти ремки [«рвань» - Т.Т.], пьяницы, люди, не имеющие средств, поэтому и ответственности денежной нет; раньше старосты без залога не выберут...» [17].

Итак, перед лицом общего бедствия вновь актуализировалась внутриобщинная солидарность, ослабевшая в связи с имущественным расслоением в предыдущие десятилетия и под влиянием деятельности внутренних радикальных сил в революционный период. В кризисные времена возродилась надежда на авторитетных, опытных земляков, которых стремились избрать в органы самоуправления [18], вернув им гарантию коллективной поддержки. Вологодский эсер отмечал в 1918 г., что «местные советы ... живут “между двух огней”»: с одной стороны декреты и предписания центральной власти, с другой – сама жизнь». Поскольку они «в меньшей безопасности находятся», им свойственны «слова и дела, совсем не соответствующие общему направлению правительственной политики» [19]. Под «меньшей безопасностью» следует понимать зависимость местной власти от своих избирателей, поскольку они не могли рассчитывать на военную помощь в случае конфликта с населением. По принципу «круговой поруки», в случае бунта, не допускалось информирование уездных властей о происходящем. Наказания и даже убийства представителей местной власти могло быть произведено таким образом, что «наверху» никто об этом мог и не узнать. В редких случаях, когда сведения о «расправах» с теми «начальниками», чья деятельность не устраивала местный социум, становилась известной, найти виновников не удавалось. Поэтому была введена практика наказания «лучших» (то есть наиболее богатых и авторитетных) мужиков.

Несмотря на карательные мероприятия, в первый послереволюционный период уверенность в традиционной поддержке была столь велика, что на нее рассчитывали даже те депутаты, чья деятельность шла в разрез с пожеланиями большинства избирателей. Такая форма взаимовыручки странно воспринимается во время гражданского противостояния. Однако на уровне подсознания принцип «стоять за своих» оставался обязательным условием коллективного выживания. Например, во время антибольшевистского восстания в Кеми в 1918 г. за членов уездного исполкома заступились их избиратели, которые «просили отпустить своих делегатов под свое честное слово», «мол, делегатов не арестовывают, а отзывают» [20]. При эвакуации из Архангельска, советские работники, являясь выборными лицами, стремились вернуться в свои уезды: они исходили из того, что «советские работники, в отличие от партийных людей, представляют собой власть, и потому, не теряя своих полномочий, покинуть губернию не могут»; «крестьяне не поймут бегства» своих делегатов; «крестьяне нас поддержат» [21]. И действительно, после свержения советской власти в ряде уездов Архангельской губернии общества забрасывали новое правительство требованиями отпустить своих арестованных делегатов. Так, в городе Пинеге арестованных крестьянских депутатов уездного совета «вывели на показ публике, потребовав объяснить [о своей деятельности]», на что те отвечали, что «не вами были избраны и отчитываться перед вами не будем. ...Узнав о положении своих выбранных представителей, население [волостей] запротестовало, пошли телеграммы» с требованиями их освободить, что и было сделано [22]. Вельское восстание 1921 г. в значительной степени было спровоцировано тем, что «ходоки» от крестьян, явившиеся в город для предъявления требований от своих обществ, были взяты в качестве заложников.

Власти даже во время Гражданской войны в некоторых случаях шли навстречу населению, отдавая им «на поруки» проштрафившихся земляков, как было принято в дореволюционное время. Впрочем, в условиях гражданского противостояния «взятые на

поруки» нередко возвращались к антиправительственным действиям. В связи с этим общества (как сельские, так и городские) стали менять тон своих прошений с требовательного на заискивающий, объясняя свою просьбу отпустить однообщинника «на поруки» экономической целесообразностью: «нужен как общественный работник»; без него «семья обеднеет и пойдет по миру»; «хороший человек и миру не вредит». Подобные прошения направлялись и «белому» правительству, и советской власти с обязательным заверением, что общество берет за него ответственность. В 1920 г. крестьяне ходатайствовали об освобождении своего земляка-белогвардейца, поскольку он «никому никакого зла не сделал. В крестьянской жизни он рачительный хозяин, почтительный и уважительный сын престарелых родителей. Ручаемся, что он и впредь останется ... совершенно безвредным в политическом и общественном отношении» [23].

Во время массовых арестов власти были буквально завалены прошениями об освобождении наиболее «нужных» для общества людей, либо тех, кто, как считалось, пострадал «за общее дело». Смолокурная артель, ходатайствуя об освобождении арестованного за участие в крестьянском восстании своего члена, отмечала его «как видного и единственного в своем роде человека», почему он и «был выдвинут народом и принужден участвовать в волнениях ...под страхом народной мести вплоть до избиения и разорения хозяйства». В связи с чем просили его, как «человека, случайно явившегося орудием необдуманного народного беспорядка», «передать на поруки артели», при этом гарантировали «за него всеми продуктами своего промысла и заводами артели» [24]. Подобные ходатайства, основанные на принципе круговой поруки (когда общество гарантировало соответствующее – во всяком случае, пока население не убедилось, что предоставляемые гарантии не всегда действительны. Например, власти провели дознание с целью выяснить инициаторов массовых ходатайств об освобождении активиста Вельского восстания; один из подписавшихся коммунистов был близким родственником арестованного; его объяснения участия в ходатайстве под влиянием родственных чувств и уговоров семьи были признаны необоснованными. Такое отношение со стороны власти к проявлениям общественной солидарности приводило к тому, что сельское и волостное начальство, преданное большевизму, не только не поддерживало обращения граждан, но и откровенно игнорировало их. Так, «на общем собрании волости было вынесено единогласное постановление об освобождении» арестованного «за антисоветские высказывания» крестьянина, как «безвинно осужденного», однако «председатель и секретарь не внесли это решение в протокол»; по мнению крестьян, такая «несправедливость лишь усугубляет их негативное отношение к советской власти» [25].

Однако в основной своей массе представители населения были носителями традиционной системы ценностей и видели свою задачу в защите своих избирателей. Такое отношение к своим обязанностям можно проследить на всех уровнях власти. Возникло расслоение не только советских работников, но и коммунистов, в зависимости от того, представляли ли они интересы государства или находились на низовом уровне властной иерархии. Руководство земледельческого Никольского уезда обвинялось в защите «своего население от продрозверстки, ...вместо того, чтобы активнее изымать излишки» [26]. При организации продрозверстки учитывалось, что в уездах «большинство коммунистов заражено ...местничеством. Для них местные интересы дороже общегосударственных». В связи с этим ставилась задача фактически замены власти, но без конфликта с населением: следовало «выгнать из партийно-советских органов всех враждебных и колеблющихся элементов, заменить их преданными, достойными людьми» [27].

Положение местных выборных властей в таких обстоятельствах становилось все более сложным. Выполнение обязанностей волостных и сельских «начальников» всегда было занятием тяжелым и неблагодарным; тем более в период обострения отношений между властью и населением. В начале 1920-х гг. фиксируется, что «способные работники из волисполкомов под разными предлогами уходят, остаются люди, принудительно выбранные» [28]. Те представители местного самоуправления, которые устраивали население своей позицией, негативно воспринимались вышестоящими властями.

Если власти воспринимали председателя органа местного управления как полномочного представителя общества, то и население видело в навязанных им советских

работниках персонифицированную власть. Во время стихийных волнений и восстаний гнев толпы был направлен против тех из них, которые не могли или не хотели защищать интересы своего общества. Председатель сельсовета в 1920 г. «вынужден был сидеть в избе и спать с револьвером в руках, как осажденный в крепости, и чуть ли не держать специальную охрану от крестьян» [29].

В свою очередь, и государственная власть стремилась объяснить сложности взаимоотношений с населением неправильными действиями местных властей. Так, при анализе результатов проведения продразверстки в Устьвашском уезде Архангельской губернии, по поводу «самой саботажной» волости делался вывод, что «население винить не приходится, распустил их сам волисполком, который больше смотрит на население, а не на распоряжения советской власти. Члены волисполкома без всякой инициативы защищают интересы крестьянства, боясь недовольства лично для себя с его стороны». Зато в «лучшей» волости председатель волисполкома при раскладке государственных обязательств «действует решительно, тактично и предусмотрительно, не возбуждая население» [30]. Такое «тактичное» поведение могло обернуться для советских работников недовольством их деятельностью со стороны и населения, и власти. В Архангельской губернии в 1921 г. продналог собирался «с применением репрессий». Из арестованных более 3 % были члены волисполкомов. Такое насилие направлялось против населения, которое, однако, уже не воспринимало арест своих представителей как наказание: сложившееся критическое положение допускало возможность жертвовать своими представителями, которые «страдали» за нарушение обществами распоряжений центральной власти. В качестве наказания стали применяться действия, которые задевали интересы всех жителей. Например, в волостях, не выполнивших государственного задания, запрещалась свободная торговля [31].

В рискованных ситуациях население выбирало во власть тех, кого можно было бы принести в «жертву» в случае недовольства со стороны центральных властей, тем самым, сохранив ценных общинников и направив гнев государства в наиболее безопасную для благополучия общества сторону. Таковыми становились либо бесполезные, с точки зрения общества, люди, либо те, кто чем-то провинился перед своими земляками. Члены волостного «ревкома» (крестьянского органа власти во время Вельского восстания 1921 г.) сообщили на следствии, что их «толпа выбирала силой», под угрозами [32]. Некоторые «декоративные» члены «ревкома» соглашались на вхождение в него, испытывая чувство вины перед обществом за какие-то проступки. Насилию подвергались и советские работники: так, повестку собрания о присоединении волости к восстанию председатель совета писал «под давлением общества», которые принуждали его словами: «“коммунистам ты пишешь, а нам не хочешь!”» [33].

С другой стороны, реальные руководители восстания «официальных» должностей не занимали. Например, А.А. Миронов, снятый с должности председателя волисполкома «за халатное отношение к своим обязанностям» (надо полагать, за не слишком активную деятельность по проведению продразверстки и трудповинностей), по мнению следователя, «пользовался авторитетом граждан» и был «подстрекатель и участник» самых решительных действий взбунтовавшейся волости [34].

Подтверждением того, что «круговая порука» предполагала ответственность «всех за каждого», становилась защита членов своего общества, которые в глазах властей являлись преступниками. В стабильные времена этим пользовались власти, передавая мелких правонарушителей «на поруки» сословной организации. Постепенно в городе такую систему стали заменять судебные и внесудебные формы наказания. Но в крестьянской среде поддержка «своих» продолжала действовать, в том числе и вне своего социума, в форме земляческих отношений. Оказавшиеся в Архангельске во время белогвардейского переворота сторонники советской власти безбоязненно приходили к землякам, даже если те были их идеологическими противниками, и получали кров, пищу, всяческую помощь. Перебороть эту воспитанную веками взаимопомощь, которая придавала специфику Гражданской войны в огромном, но малонаселенном северном крае, где чуть ли не все жители волости знали друг друга в лицо, было невозможно. В разгар боевых действий «на побывку» в деревню могли одновременно явиться и «белые» и «красные» бойцы, и если между ними не существовало личной неприязни, могла состояться вполне

доброжелательная встреча, обмен впечатлениями, взаимная агитация. «Белобандиты» и дезертиры могли рассчитывать не только на защиту своих родственников, но и всего сообщества. Дезертиры Красной армии спокойно жили в своих домах, и никто их не выдавал.

Вместе с тем, в условиях «идеологического противостояния» отдельные люди могли пренебречь принципом солидарности, если испытывали личную неприязнь к лицу, являвшемуся в глазах властей преступником. Проявления в этих случаях неоправданной жестокости особенно показательны между, казалось бы, близкими родственниками. Во время захвата белыми города Онеги большевики прятались по родственникам, и некоторые были выданы на основе, видимо, каких-то личных обид. Красный командир, оказавшийся в плену у белых, «попался как раз на своего шурина, который никому не давал его бить, а бил сам, выбил глаз. Когда после допроса его приказали расстрелять, он никому не позволил, а только сам» [35].

Разумеется, такие случаи были единичны. В основном же принцип «своих не сдавать» гарантировал человеку защиту со стороны земляков. «Перебороть» земляческие и родственные отношения можно было только с помощью карательных мер. Население оказывало всяческое содействие местным «белобандитам», однако, под угрозой расстрела членов семьи, конфискации и уничтожения имущества, принималось решение выдавать их ради спасения остальных. Таким способом удавалось «выловить» и дезертиров, которых крестьянские сообщества активно защищали. Но стоило арестовать стариков, увести скот и другое имущество – молодые дезертиры сдавались сами [36].

На основе принципа «круговой поруки» происходило привлечение членов социума к коллективным действиям. Уклоняющихся подвергали унижительным наказаниям, которые для воспитанного в идеалах общинности человека были тяжелее, чем наказания по закону. Рабочие «вывозили на тачке» штрейкбрехеров или принуждали не желавших участвовать в забастовках носить какой-то знак отличия [37]. В годы Гражданской войны остракизму подвергали красноармейцев и партизан, трусивших во время боя или совершивших дезертирство: «это было позором, просили их простить» [38].

Социальная солидарность рабочих, в большинстве являвшихся вчерашними крестьянами, поддерживалась не столько «пролетарской сознательностью», сколько земляческими связями и приверженностью обычаям. Не случайно коллективные действия рабочих и крестьян имели сходство. Конечно, заметно и различие: так, «буйства» рабочих нередко не имели под собой разумного основания и были больше схожи с проявлениями молодежной культуры, что не удивительно, поскольку на городские заработки направлялись обычно молодые, неженатые мужчины. Крестьянские же коллективные действия, которые также иногда производили впечатление бессмысленных, демонстративных – устраивались все же для достижения определенной цели; обычно, чтобы обратить внимание властей

В тяжелую эпоху «военного коммунизма» крестьяне особенно часто пользовались коллективными действиями как демонстративной формой протеста. Они рассчитывали, что власти в любом случае будут стремиться сохранить основную массу населения как главных «кормильцев», налогоплательщиков и исполнителей повинностей. В связи с этим, выступления первое время имели ярко выраженный демонстративный характер. Возбужденная толпа быстро успокаивалась и расходилась по домам: люди ждали наказания, были готовы к нему, поскольку предшествующий опыт подсказывал, что после относительно легкого наказания власти все равно пойдут на диалог. Однако новая власть не могла себе позволить использовать опыт царских «сатрапов»; важной составляющей внутренней политики было разобщение крестьянского общества. Наиболее идейные исполнители распоряжений центральных властей были либо «чужими» для общества (возвратившиеся из городов, опролетарившиеся односельчане; подвергнутые идеологической обработке фронтовики), либо «своими», но тогда они становились изгоями. Не у каждого хватало внутренних сил пойти на резкий отрыв от сформированного воспитанием и культурой коллективизма.

Как бы то ни было, «пострадать за мир» должны были выборные представители: их снимали с должности, иногда применяли физическое воздействие. Избиение представителей местной власти почти всегда сопровождало народные бунты. Нередко это было не только демонстративным (когда «слегка помяли» или «побили, но не сильно»), но

и реальным действием, направленным против тех, кто, по мнению общинников, осознанно нарушал их единство.

Крестьяне скоро поняли, что с новыми властями прежними методами решать вопросы не удастся. Каратели могли расстрелять несколько самых «крепких» мужиков, не беря в расчет, что они хорошие работники и надежные налогоплательщики. В связи с этим, в 1920–1921 гг. навстречу карательным отрядам в деревнях обычно выходили только женщины и ребятишки – и вряд ли их присутствие на улицах во время восстаний было вызвано простым любопытством. Скорее, это было обращение к властям: хотите наказывать, беритесь за самых слабых и наименее нужных обществу членов, а мужиков, работников мы побережем. Действительно, на последнем этапе «военного коммунизма» обычным явлением стали «бабьи бунты», при которых мужики демонстративно сидели по домам. Более того, во время подавления «бабьего бунта» в Вельском уезде Вологодской губернии в марте 1921 г. в качестве основных организаторов и зачинщиков «выдавали» беременных женщин, в расчете, видимо, на то, что их уж точно наказывать не будут [39].

«Круговая порука» была формой самозащиты локального социума от любых видов внешнего давления. С этой целью осуществлялось и взаимное укрывательство от наказания членов социума, совершивших преступное, в глазах центральной власти, деяние. Например, в описываемую эпоху были реанимированы жестокие расправы, осуществляемые совместно и обычно анонимно, с целью сохранить внутриобщинную солидарность (чтобы не дать подвергавшимся расправе оснований для мести и личной неприязни), и коллективно отвечать перед следствием. На сложность решения вопросов с северными крестьянами, которые «стоят друг за дружку; ни за что один другого не выдадут», жаловались царские чиновники. Со схожими проявлениями социальной солидарности сталкивались и в период «военного коммунизма». После подавления Вельского восстания население демонстрировало «раскаивающееся настроение», однако следователь призывал этому не верить, поскольку «волесть такая, если задумала никого не выдавать, то не выдаст, только если взять вымогательством» [40] – то есть принудить социум заменить принцип «все за одного» на принцип «один должен пострадать за всех».

Ярким примером «круговой поруки» при совершении поступка, осознаваемого как преступление, произошло в 1919 г. в Пинежском уезде, когда при отступлении красноармейских частей возник конфликт между армией и населением, поддержанным местными солдатами. Крестьянский бунт приобрел обычные формы саботажа: жители придорожных сел отказывались предоставлять телеги и лошадей для эвакуации тылового имущества. Комбриг И.И. Кудрин, пытавшийся угрозами заставить крестьян выполнить распоряжения, разъярил толпу и вынужден был спастись от нее бегством. Местная воинская команда спасла комбрига от самосуда озверевшей толпы, однако впоследствии убила его. Возможно, это было исполнением вынесенного приговора. Молодой комбриг был заколот сорока ударами штыка. Такую жестокость свидетели событий объясняли «круговой порукой»: «его колола вся рота, чтобы, в случае чего, отвечать всем» [41].

Выводы

Возникнув как форма самосохранения социума в условиях враждебной природной среды, «круговая порука» продолжала существовать как способ противостояния враждебной внешней силе в виде государственной власти. Анализ событий первых послереволюционных событий, проведенный через призму анализа предыдущего социального опыта населения изучаемой территории, позволяет найти объяснение тем социальным формам, которые были воссозданы локальными социумами с целью поддержать внутриобщинную солидарность и выстроить новый диалог с государственной властью.

Благодарности

Статья написана в рамках научного исследования, поддержанного Российским Гуманитарным Научным Фондом (проект № 12-01-00065).

Примечания:

1. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 67–69.

2. Круговая порука // Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1994.
3. Лешуконская волость Мезенского уезда // Сельская поземельная община в Архангельской губернии: Вып. I. Архангельск, 1882. С. 7, 8.
4. Селецкая община Холмогорского уезда. // Сельская поземельная община в Архангельской губернии: Вып. II. Архангельск, 1884. С. 89.
5. Труфанагорская община Пинежского уезда. // Сельская поземельная община в Архангельской губернии: Вып. II. Архангельск, 1884. С. 86.
6. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГАО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 36.
7. ГАО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 29.
8. Пирогов М.С. Борьба в Мехренге // Воспоминания о борьбе за Советы и гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде. 1917-1920. Архангельск, 1928. С. 39.
9. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 93. Л. 170б.; Известия Никольского Совета солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 5 декабря.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 10. Д. 69. Л. 37.
11. ГАО. Ф. 595. Оп. 2. Д. 5. Л. 25.
12. Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 1. Л. 20б, 32.
13. См.: Известия Олонекского губернского совета депутатов. 1918. 17 апр.
14. Из деревни (записки агитатора) // Известия Архангельского совета депутатов. 1917. 13 июня.
15. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 87. Л. 17–18.
16. Воля Севера. Ежедневная народная газета. Орган Архангельского губернского совета крестьянских депутатов и Архангельского Союза потребительских обществ. 1917. 6 сентября.
17. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 321.
18. ГАО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 12.
19. [П.Л.Б.] С дороги // Вольный голос Севера. Северная областная крестьянская газета, издаваемая Вологодским центральным об-вом сельского хозяйства. 1918. 22 (9) июня.
20. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 622.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 5–6.
22. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 717.
23. ГАО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 67. Л. 66, 64.
24. Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 1. Л. 134.
25. Архив РУ ФСБ России по Архангельской губернии. Д. П-17950. Л. 59–61.
26. Ветошкин М. Старая история (О никольской «бедноте» и Анатолии Носкове) // Борьба бедноты. Орган Северо-Двинского губкома РКПб. 1919. 24 января.
27. ВОАНПИ. Ф. 3837. Оп. 3. Д. 7. Л. 159–172.
28. ГАО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 81.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 52. Л. 34.
30. ГАО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5. Л. 17, 19.
31. Отчет Архангельского губернского экономического совета Совнаркому и Совету Труда и Оборона (за период по 1 октября 1921 г.) – Архангельск, 1921. С. 54.
32. Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 3. Л. 80.
33. Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 4. Л. 85.
34. Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 3. Л. 143.
35. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 26. Л. 12.
36. ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 36.
37. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 81.
38. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 466.
39. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 421.
40. Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 5. Л. 3.
41. ГАО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 671, 336.

References:

1. Sorokin P.A. *Sovremennoe sostoyanie Rossii*. Praga, 1922. S. 67–69.
2. Krugovaya poruka // *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. M., 1994.
3. Leshukonskaya volost' Mezenskogo uyezda // *Sel'skaya pozemel'naya obshchina v Arkhangel'skoi gubernii: Vyp. I. Arkhangel'sk, 1882*. S. 7, 8.
4. Seletskaya obshchina Kholmogorskogo uyezda. // *Sel'skaya pozemel'naya obshchina v Arkhangel'skoi gubernii: Vyp. II. Arkhangel'sk, 1884*. S. 89.
5. Trufanagorskaya obshchina Pinezhskogo uyezda. // *Sel'skaya pozemel'naya obshchina v Arkhangel'skoi gubernii: Vyp. II. Arkhangel'sk, 1884*. S. 86.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti. Otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoi istorii (GAAO ODSPI). F. 8660. Op. 3. D. 36.
7. GAAO ODSPI. F. 1. Op. 1. D.95. L. 29.
8. Pirogov M.S. *Bor'ba v Mekhren'ge // Vospominaniya o bor'be za Sovety i grazhdanskoi voine v Emetskom (Kholmogorskom) uезде. 1917-1920*. Arkhangel'sk, 1928. S. 39.
9. Vologodskii oblastnoi arkhiv noveishei politicheskoi istorii (VOANPI). F. 2. Op. 1. D. 93. L. 17ob.; *Izvestiya Nikol'skogo Soveta soldatskikh i krest'yanskikh deputatov. 1918. 5 dekabrya*.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 393. Op. 10. D. 69. L. 37.
11. GAAO. F. 595. Op. 2. D. 5. L. 25.
12. Arkhiv RU FSB po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 1. L. 2ob, 32.
13. Sm.: *Izvestiya Olonetskogo gubernskogo soveta deputatov. 1918. 17 apr.*
14. *Iz derevni (zapiski agitatora) // Izvestiya Arkhangel'skogo soveta deputatov. 1917. 13 iyunya*.
15. GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 87. L. 17–18.
16. *Volya Severa. Ezhednevnyaya narodnaya gazeta. Organ Arkhangel'skogo gubernskogo soveta krest'yanskikh deputatov i Arkhangel'skogo Soyuza potrebitel'skikh obshchestv. 1917. 6 sentyabrya*.
17. GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 321.
18. GAAO ODSPI. F. 1. Op. 1. D. 95. L. 12.
19. [P.L.B.] *S dorogi // Vol'nyi golos Severa. Severnaya oblastnaya krest'yanskaya gazeta, izdavaemaya Vologodskim tsentral'nym ob-vom sel'skogo khozyaistva. 1918. 22 (9) iyunya*.
20. GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 622.
21. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 67. Op. 1. D. 25. L. 5–6.
22. GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 717.
23. GAAO. F. 301. Op. 1. D. 67. L. 66, 64.
24. Arkhiv RU FSB po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 1. L. 134.
25. Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi gubernii. D. P-17950. L. 59–61.
26. Vetoshkin M. *Staraya istoriya (O nikol'skoi «bednote» i Anatolii Noskove) // Bor'ba bednoty. Organ Severo-Dvinskogo gubkoma RKPb. 1919. 24 yanvarya*.
27. VOANPI. F. 3837. Op. 3. D. 7. L. 159–172.
28. GAAO ODSPI. F. 1. Op. 1. D. 566. L. 81.
29. RGASPI. F. 17. Op. 33. D. 52. L. 34.
30. GAAO. F. 595. Op. 1. D. 5. L. 17, 19.
31. *Otchet Arkhangel'skogo gubernskogo ekonomicheskogo soveta Sovnarkomu i Sovetu Truda i Oborony (za period po 1 oktyabrya 1921 g.) – Arkhangel'sk, 1921*. S. 54.
32. Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 3. L. 80.
33. Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 4. L. 85.
34. Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 3. L. 143.
35. GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D.26. L. 12.
36. VOANPI. F. 1332. Op. 3. D. 36.
37. GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 4. D. 81.
38. GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 466.
39. GAAO ODSPI. F. 8660. Op.3. D. 421.
40. Arkhiv RU FSB po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 5. L. 3.

41. GAAO ODSPI. F 8660. Op. 3. D. 671, 336.

УДК 316.48 (908)

«Один за всех и все за одного»: «Круговая порука» как феномен социальной солидарности и его реанимация в 1918-1921 гг. (на материалах северных губерний Европейской России)

Татьяна Игоревна Трошина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор.
E-mail: tatr-arh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен «коллективной ответственности» как способа сохранения социальной солидарности в экстремальных условиях конфликта между государственной властью и локальным социумом. Для исследования взята территория Европейского Севера России, которая, в связи с особыми природно-климатическими условиями, имела ряд особенностей при формировании и поддержании социальности.

Ключевые слова: Европейский Север России; социальная солидарность; коллективная (взаимная) ответственность; конфликт и компромисс; самосохранение социума в экстремальных обстоятельствах; взаимоотношения населения и власти.